

УДК 316.334:373.66

DOI: 10.26565/2218-2470-2020-9-01

ЕНАДЁЖНОСТЬ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Голиков Александр Сергеевич – доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина, email: a.s.golikov@gmail.com, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6786-0393>

Статья посвящена проблеме влияния на трансформацию социальной политики и социальной работы со стороны ненадёжности. Ненадёжность рассматривается автором как специфичное свойство общества, порождённого неоллиберальным вариантом атомизирующей глобализации. В статье описываются особенности и аспекты ненадёжности как феномена и как концепта. Опираясь на разработки П. Бурдьё, Ж. Бодрийяра, Ж. Рансьера, Н. Хомски, Дж. Агамбена, Дж. Стиглица, исследователь анализирует развитие разнообразных проявлений ненадёжности в глобальном мире. Особое внимание уделяется неоллиберальным мифам и их трансформациям в этих условиях, специфике прекариата как социальной группы и вообще негарантированности как статуса, состояния и предпосылки существования позднего капитализма, юридическому и социальному феномену «голой жизни» в её противостоянии суверену как производителю властного порядка, а также порождённому этим всем производству «согласия без согласия» как условия воспроизводства ненадёжности. Эти концепции и идеи используются для исследования текущих трансформаций и попыток прогнозирования будущих изменений в статусе, деятельности и особенностей социальной работы и социальной политики в современном мире. Автор доказывает, что социальные политики и социальная работа меняют свой статус под влиянием этого свойства в его экономическом, политическом, биополитическом, социальном, культурном измерениях. Кроме того, автор аргументирует, что ненадёжность меняет перспективы, ограничения и особенности социальной политики и социальной работы в современном мире: в частности, оказывается, что глобальный мир порождает целые группы, исключённые из социальной политики и социальной работы, с одной стороны, а также что социальная политика и социальная работа обретают констеллятивный, мерцающий дизайн, - с другой.

Ключевые слова: ненадёжность, социальная работа, глобализация, биополитики, социальное государство, социальная политика.

ЕНАДІЙНІСТЬ ЯК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦІЇ СОЦІАЛЬНОЇ РОБОТИ В СУЧАСНОМУ СВІТІ: ДО ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМИ

Голиков Александр Сергійович – доктор соціологічних наук, доцент, доцент кафедри соціології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна, email: a.s.golikov@gmail.com, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6786-0393>

Статтю присвячено проблемі впливу на трансформацію соціальної політики і соціальної роботи з боку феномену ненадійності. Ненадійність розглядається автором як специфічна властивість суспільства, породженого неоліберальним варіантом атомізованої та атомізуючої глобалізації. У статті описуються особливості та аспекти ненадійності як феномену та як концепту. Спираючись на розробки П. Бурдьє, Ж. Бодрийяра, Ж. Рансьера, Н. Хомські, Дж. Агамбена, Дж. Стиглица, дослідник аналізує розвиток різноманітних проявів ненадійності в глобальному світі. Особлива увага приділяється неоліберальним міфам і їхній трансформації в цих умовах, специфіці прекаріата як соціальної групи і взагалі негарантованості як статусу, стану і передумови існування пізнього капіталізму, юридичному і соціальному феномену «голового життя» в його протистоянні суверену як виробнику владного порядку, а

також породженого цим всім виробництва «згоди без згоди» як умови відтворення ненадійності. Ці концепції та ідеї використовуються для дослідження поточних трансформацій і спроб прогнозування майбутніх змін в статусі, діяльності та особливостей соціальної роботи та соціальної політики в сучасному світі. Автор доводить, що соціальна політика і соціальна робота змінюють свій статус під впливом цієї властивості в її економічному, політичному, біополітичному, соціальному, культурному вимірах. Крім того, автор аргументує, що ненадійність змінює перспективи, обмеження і особливості соціальної політики та соціальної роботи в сучасному світі: зокрема, виявляється, що глобальний світ породжує цілі групи, виключені з соціальної політики і соціальної роботи, з одного боку, а також що соціальна політика та соціальна робота отримують констелятивний, мерехтливий дизайн, - з іншого.

Ключові слова: ненадійність, соціальна робота, глобалізація, біополітики, соціальна держава, соціальна політика.

INSECURITY AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF SOCIAL WORK IN THE MODERN WORLD: TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM

Golikov Alexander – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor, Professor of Department of Sociology, V. N. Karazin Kharkiv National University, 4, Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine, email: a.s.golikov@gmail.com, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6786-0393>

The article is devoted to the problem of the impact on the transformation of social policy and social work from the side of insecurity. Insecurity is considered by the author as a specific property of a society generated by the neoliberal variant of atomizing globalization. The article describes the features and aspects of insecurity as a phenomenon and as a concept. Based on the ideas of P. Bourdieu, J. Baudrillard, J. Ranciere, N. Chomsky, G. Agamben, J. Stiglitz, the researcher analyzes the development of various manifestations of insecurity in the global world. Particular attention is paid to neoliberal myths and their transformations under these conditions, the specifics of the precariat as a social group and generally unwarrantness as the status, condition and prerequisite for the existence of late capitalism, the legal and social phenomenon of “bare life” in its opposition to the sovereign as a producer of the imperious order, and also generated to all this the production of “consent without consent” as a condition for the reproduction of insecurity. These concepts and ideas are used to study current transformations and attempts to predict future changes in the status, activities and characteristics of social work and social policy in the modern world. The author proves that social policies and social work change their status under the influence of this property in its economic, political, biopolitical, social, cultural dimensions. In addition, the author argues that insecurity changes the perspectives, limitations and characteristics of social policy and social work in the modern world: in particular, it turns out that the global world generates entire groups excluded from social policy and social work, on the one hand, and also that social policy and social work become more constellative, shimmering, – on the other.

Keywords: insecurity, social work, globalization, biopolitics, social state, social policy.

В исследованиях исторических предпосылок становления социальной работы и социальной политики, говоря более широко, стала общепринятой мысль, что модерн есть, помимо всего прочего, способ организации порядка социального, при котором, как демонстрирует М. Фуко, отношение государства с народом проходят специфичные эволюции, которые хорошо описываются треугольником понятий «безопасность, население, территория» (Фуко, 2011). Это является частью более широких специфик модерна как структур порядка и структур надёжности. Как разворачивает эти более широкие специфики З. Бауман, после крушения модерна как структур надёжности мы предстаём перед индивидуализированной, приватизированной версией современности, обременённой переплетением паттерна и ответственностью за неудачу, ложащуюся, прежде всего, на плечи отдельного человека (Бауман, 2005).

Неолиберальные мифо- и идеология, мимикрирующие под меритократический дискурс, на самом деле социализируют прежде всего издержки и убытки, а не прибыли и достижения. Последние, целиком в логике капитализма, приватизируются. Свобода, успешность, эффективность являются в таком мире опциональными, тогда как проблемы и ненадёжность - гарантированными. Неоднократно и резко обличённые за последние три

четверти века свойства модерна (в чём немалую роль сыграли эмоции «Актуальности Холокоста», например (Бауман, 2010)), в своё отсутствие предстают в совершенно ином виде. Модерн как модель отношения гражданина и тотальности воплощён в социальном государстве, модерн как модель отношения тотальности политики (государства) и тотальности экономики (рынка) – в порядке регуляции, социальной ответственности предпринимательства, «прусском социализме» и «государстве благосостояния», модерн как модель отношения гражданина и тотальности экономики (рынка) – в порядке социальной политики и социальной работы, где гарантированным был определённый порядок здоровья, образования, производимые индустриальным, конвейерным методом. Дискурсивные прикрытия этих процессов, конечно, выглядят громко и многообещающе. Модернизация, экономика знаний, инновации, борьба с социальным иждивенчеством, открытое общество, индивидуализация, освобождение творческой энергии, «атлант расправил плечи», «свобода предпринимательства», эффективность, ответственность за своё будущее, - вот лишь малая часть тезауруса (мифо)логик, на которые опираются сторонники этого подхода. Так, самый молодой монарх Европы. Виллем-Александр, настаивает на том, что социальное государство, порождённое в двадцатом веке, больше не существует, что оно замещено «обществом активного участия» (*Dutch King Willem-Alexander declares the end of the welfare state*, 2013).

И если на микроуровне эти процессы для отдельных категорий населения действительно могут перцептироваться и репрезентироваться как процессы «становления общества активного участия» и «освобождения к творчеству», то на макроуровне, для больших групп мы наблюдаем скорее неодобрение происходящего. Постоянная борьба за свои социальные права, протесты против сворачивания социального государства, анти- и альтерглобалистские движения, забастовки, возвращение трейд-юнионистского движения, - все эти факты уже невозможно отрицать.

Однако их исследование может осуществляться по-разному. Так, в постсоветской социологии исследуются общие связи социальной политики и глобализации (Холоденко, 2018), в частности – в условиях потери государством в глобальных условиях части своего традиционного суверенитета как способности производить порядок (Александрова, 2015), социальной политики и неравенств (Вахитова Т.М. и др., 2018), социальной политики и информационного общества (Фируза, 2019). Украинские исследователи в этом свете обращаются к влиянию разнообразных кризисов на социальную политику государства (Romaniv, 2015), к социальной интеграции как продукту социальной политики в новых социальных условиях (Евтушенко, 2018), к конкретным новым технологиям социальной политики, порождённым её новыми инструментами (Frolova, 2013). Такая сервильность – по отношению к локальному порядку государства или по отношению к глобальным порядкам – вдвойне показательна, если сравнить с более широкой ситуацией. Конечно, и там наблюдаются попытки легитимации происходящих процессов (в том числе и техниками описания ухода социального государства как «скрытого» социального государства (Howard, 1997)). Но в целом подход в мировой социологии можно описать как более сдержанный и объективный. Так, мы обнаруживаем достаточно критичные исследования соотношения рынка и государства в ЕС (Hine and Cassim, 1998), сравнительные исследования «капитализма благосостояния» (Ebbinghaus and Manow, 2001) и «пост-благосостояния» (Schram, 2000), роли справедливости (Cortese, 2004) или ответственности (Hirschland, 2006) в формировании социальной политики и вообще моральных оснований социальной политики (Shapiro, 2003), новейших проблематик вроде включения/исключения (Mottis, Barnes and Mason, 2009) или индустриализированных демократий (Rueda, 2008). Однако во всех этих исследованиях так или иначе тема ненадёжности фигурирует как фоновое условие, а не как конечный объект исследования.

В этом свете важным и актуальным является хотя бы концептуальное, базовое исследование проблематики ненадёжности как особого порядка неолиберального глобального капитализма и, в частности, судьбы некоторых социальных институтов модерна в этом порядке. Поэтому **целью** нашей статьи будет анализ ненадёжности как фактора трансформации статуса социальной работы и социальной политики вообще в условиях глобализирующегося неолиберального капитализма.

Данная проблематика, отошедшая, казалось бы, на второй план с «концом истории» по Ф. Фукуяме, в эпоху, казавшуюся золотым веком глобального капитализма (1990е годы), возвращает нас к производящей деятельности социальных субъектов как фундаменту их социального существования. Все альтернативные теоретические дерзости вроде «общества досуга», «общества свободного творчества», «общества потребления» оказываются лишь эпатажными экспериментами, тогда как производство (в широком смысле слова, безусловно, - как преобразование окружающей среды; в узком смысле слова оно может быть понято

прежде всего как осуществляемая в общественном разделении труда экономическая деятельность) явственно возвращается в тематику социальных неравенств, справедливости, включения и исключения, статусов и т.п.

В таком контексте лидер академической социологии конца XX века Пьер Бурдьё вводит важную категорию негарантированности (Бурдьё, 2013), хлётко разоблачая неолиберальную риторику легитимации негарантированности как шанса или «возможности активировать собственные опции». Он концептуализирует негарантированность на макроуровне, то есть в её массовой форме, как часть новой формы господства, которая опирается на всеобщее длительное состояние, побуждающее наёмных работников согласиться со своими эксплуатацией и отчуждением. При этом П. Бурдьё уточняет, что речь идёт не просто об эксплуатации, а о флексплуатации, то есть эксплуатации, требующей от работника быть гибким (flexible), что прикрывается и легитимируется либеральными и неолиберальными лозунгами.

Такой тип негарантированности затрагивает всех, даже тех, кого она непосредственно не затрагивает – посредством страха. Соотечественник П. Бурдьё, Жак Рансьер, уточняет это до предельной откровенности словами «олигархи продают людям страх» (Рансьер, 2011). Отличием этого страха от экзистенциального Angst является то, что это страх систематически существующий и систематически производимый, что порождает специфичные гипотезы о его природе и субъектах: «Невозможно отделаться от подозрения, что негарантированность является продуктом политической воли, а вовсе не результатом экономической закономерности», чеканит Бурдьё (Бурдьё, 2013). Такая негарантированность стремится снизить (для рынка, безусловно) издержки, то есть социализируя их, подвергая наёмных работников угрозе потери рабочего места, что ничем не отличается от логики резервной армии труда (Маркс, 1952).

Всё это существенно влияет на спецификации социальной политики государства в новых условиях. Во-первых, «противостоит» и «со-стоит» в такой ситуации государству отныне не локальная фирма, завод или фабрика, а транснациональная корпорация (ТНК), мощь которой зачастую превышает экономическую мощь многих государств мира. Во-вторых, порождённые новой формой ненадёжности (негарантированностью) группы трудящихся выступают несколько иными объектами социальной политики, нежели организованные и массивные классы. В-третьих, такая форма ненадёжности оставляет многие потенциальные объекты социальной политики в «серой зоне», в «белом пятне» зрения социальной политики, что, с одной стороны, обостряет вопрос социальной справедливости, а во-вторых, обессиливает сам институт социальной политики. В-четвёртых, в глобальном пространстве государство, заинтересованное в сотрудничестве с ТНК и в их «инвестициях», начинает играть двойственную роль, а его социальная политика становится всё более и более комплементарной по отношению к новым структурам ненадёжности.

Дополняется картина известным исследователем Гаем Стендингом, автором нашумевшего труда 2012 года «Precariat. A New Dangerous Class». Он, как, кстати, и Д. Харви (Харви, 2007), пишет, что за последние полвека группа учёных-экономистов, упрочивших своё социальное и академическое положение до неуязвимости, стали виновниками множества неолиберализационных, атомизирующих, экономически глобализующих процессов, отозвавшихся десятками кризисов и миллионами жизненных трагедий (Стэндинг, 2014). Именно эти «чикагские мальчики», по Стендингу и по Харви, олицетворяют собой отказ современными странами выполнять свои социальные обязательства перед своими гражданами и превращение этих граждан в синтез proletariat и precarious.

В этом свете на макроуровне совершенно иначе предстают по-разному интерпретируемые и практикуемые на микроуровне феномены. Растворение грани между отдыхом и работой, гибкость и готовность к труду в любой момент, отсутствие жизни профсоюзов и трейд-юнионов, специфичные формы лояльности к работодателю на макроуровне оказываются не социальной ответственностью бизнеса, не динамичностью и активностью субъектов, а в сущности эксплуатацией, изъятием времени, жизненных шансов. Здесь неолиберальный глобальный капитализм, производя прекариат как необходимое условие своего порядка, берёт в союзники локальные государства: «Одно неолиберальное требование, окончательно оформившееся в 1980-е, заключалось в том, что страны должны стремиться к «гибкости рынка труда»... По сути, гибкость, за которую ратовали ретивые неоклассические экономисты, означала, что наёмных работников систематически будут ставить во все более уязвимое положение — под предлогом того, что это необходимая жертва ради сохранения капиталовложений и рабочих мест. Любопытный регресс отчасти объясняли, справедливо или нет, негибкостью и отсутствием «структурных реформ» рынков труда» (Стэндинг, 2014, с. 18). Здесь целиком воспроизводится описанная выше логика связи между структурной экономической эксплуатацией и дискурсивной неолиберальной легитимацией сокращения стабильных рабочих мест, наращивания «сдельной» оплаты, «аутсорсной» и «фрилансерской» занятости, уничтожения

модерных структур занятости, гарантий, социальной поддержки (см., например, пронзительную статью британской газеты The Guardian, которая описывает академических работников, вынужденных отказываться от съёма квартир в пользу проживания в собственном автомобиле, а то и обращаться к проституции как к способу дополнительного заработка (*Facing poverty, academics turn to sex work and sleeping in cars*, 2017)).

Специфика прекариата (который представляет собой, с нашей точки зрения, ничто иное, как ещё один инструмент концептуализации ненадёжности), согласно Стендингу, заключается в следующем:

- «незащищенность рабочего места кое-что значит», как пишет Г. Стендинг. Отказ от социального пакета, от оплаты лечения, от пенсионного обеспечения, принося локальные и тактические преимущества на рынке труда, в стратегическом биографическом плане и в социальном плане оказывается серьёзным ущербом. Более того, это фактически выводит прекариат за пределы институционализированных, традиционных форм социальной политики и социальной работы – но вряд ли за пределы базовых суждений о справедливости, труде, занятости и т.д.;

- нестабильность дохода и структура доходов, отличная от той, что существует в других социальных группах. Эта структура отличается в том числе структурой вовлечённости (точнее, невовлечённости) в локальные порядки финансирования, экономической деятельности, отчётности, - а следовательно, и социальной политики. Это ещё более актуализирует вышеприведенное замечание по поводу справедливости;

- уязвимость, значительно перевешивающую, с точки зрения Г. Стендинга, все, что может нести с собой денежное вознаграждение, получаемое в данный конкретный момент. Эта уязвимость при этом сопровождается, как мы уже указали, проблематичностью социальной защиты со стороны государства традиционными методами. И эта же уязвимость ставит дополнительный вопрос о дополнительных инструментах и тактиках социальной защиты;

- прекариат отличает не уровень зарплаты или вознаграждения, полученного в данный конкретный момент, но отсутствие общественной поддержки в случае нужды, отсутствие гарантированных пособий и льгот от предприятия или государства и отсутствие частных выгод в дополнение к заработку;

- прекариату недостает самоидентификации на основе трудовой деятельности – а поэтому этот класс не может бороться. С одной стороны, это упрощает социальную политику (поскольку класс, лишённый инструментов и способов проговаривания, артикуляции, манифестации своей позиции, осуществляет меньшее давление на социальную политику государства), но с другой – ставит под вопрос универсальность социальной политики государства, а следовательно, в конечном итоге, – саму легитимность государства как однозначности порядка;

- прекариат не ощущает себя частью солидаризованного трудового сообщества, что приводит к усилению отчужденности и неуверенности в том, что следует делать. Это не позволяет государству в работе с этим классом эксплуатировать традиционные инструменты социальной защиты и социальной работы, основанные как раз на доверии и уверенности.

Социальные последствия такой неоднозначной ситуации множественны. «Дух **недолговечности, непостоянства** витает над армией трудящегося люда, выводя из равновесия каждого — от временных помощников по офису до независимых разработчиков высоких технологий, от рестораторов до мелких торговцев... Большинство крупных работодателей в секторе услуг **обращаются со своими сотрудниками так, будто те могут легко обойтись без своей зарплаты и не имеют необходимости** платить за квартиру или содержать семью...» ((Кляйн, 2011); курсив наш). В таком свете социальная политика государства предстаёт не только усилиями государства по (вос)производству трудовой силы и человеческого капитала общества, но и в более широком смысле процессом (вос)создания государственно детерминированного порядка, основанного на комбинации социальных, экономических и политических ресурсов, уникально свойственных лишь государству. И уход государства из этой сферы, уступка расползающейся зоне ненадёжности, непостоянства, негарантированности, приведёт к обострению проблем с самой тканью социального, (вос)создаваемой в том числе усилиями государства до сих пор.

Более глобальный взгляд на эту тему позволяет нам сделать концепция Нобелевского лауреата по экономике Джозефа Стиглица: «Глобализация и переход к рыночной экономике не дали обещанных результатов ... в большинстве стран, переходящих от коммунизма к рынку. Запад внушил этим странам, что **новая экономическая система должна принести им беспрецедентное процветание. Вместо этого она принесла беспрецедентную бедность**: во многих отношениях для большинства населения рыночная экономика оказалась даже хуже, чем это предсказывали их коммунистические лидеры. Большой контраст, чем переход к рынку в России, организованный международными экономическими институтами, и переход к

рынку в Китае, программа которого была разработана собственными силами, трудно себе представить. Западные страны подтолкнули бедные страны к ликвидации торговых барьеров, сохранив при этом свои собственные, препятствуя экспорту сельскохозяйственной продукции развивающихся стран и тем самым лишая их столь необходимого экспортного дохода» (Стиглиц, 2003). В этом свете социальная политика государства предстаёт подсистемой, которая в новых глобальных условиях оказывается противопоставленной логике остальной системы. Реформы, приводящие к ухудшению жизненной ситуации повседневных акторов, или интенциональное производство ненадёжности и неустойчивости, или системное и систематическое производство неравенства становятся общегосударственными политиками, что ставит под сомнение саму логику социальной политики.

Причём это касается как периферии, так и ядра мировой системы. Так, Дж. Стиглиц доказывает, что «верхушка продолжает накапливать громадную часть национального дохода. Даже ориентированный на «свободный рынок» журнал Economist замечает, что «в Америке доля национального дохода, принадлежащая 0,01 % (а это примерно 16 тысяч семей), увеличилась с 1 % в 1980 году до почти 5 % сейчас – это более лакомый кусок, чем получила верхушка (0,01 %) во времена «Позолоченного века» в период рецессии, с 2007 по 2010 год, средний доход представителя среднего класса снизился почти на 40 % и достиг уровня начала 1990-х годов. Все богатство Америки сконцентрировано в руках верхушки. В результате улучшения условий медицинской помощи в Америке, в среднем, увеличилась и вероятная продолжительность жизни – на два года в период с 1990 по 2000 год. Однако для беднейших слоев населения Америки этот прогресс незаметен, а для женщин – представительниц этих слоев вероятная продолжительность жизни и вовсе снижается» (Стиглиц, 2013, с. 14). Иначе говоря, автор доказывает, что у неравенства нет тенденции модулироваться, демпфироваться, ослабляться – неравенство в глобальном капитализме лишь возрастает, а в условиях глобального неолиберального капитализма неравенство ещё и берёт в союзники государство, из-за чего последнее вынуждено (там, где оно не может защитить собственные современные достижения) обрушиться на собственные структуры надёжности и гарантированности, уничтожать им самим созданные механизмы защиты и заботы. В таких условиях становится объяснимым полупартизанский статус социальной работы и социальной защиты в их классическом понимании. Неклассические, постмодерные способы и инструменты, конечно, «чувствуют себя» намного лучше (свидетельством чему является приватизация тюрем, становление индустрии частных хосписов, трансфер немалой части веса пенсионных гарантий на приватные фонды и структуры и т.п.), а классические структуры, способы и инструменты либо вынуждены подстраиваться под логику рынка (тем самым подрывая собственную природу и сущность), либо «подпольным», неявным, неформальным образом осуществлять свои традиционные функции на инерции предыдущих лет, кадров, паттернов и институтов.

Все эти процессы размывают грань между различными социальными и даже юридическими состояниями и статусами, которые, например, на базе исторических разработок нам показывает Джордж Агамбен (Агамбен, 2011). Так, размывается грань «чрезвычайного положения» и «нормального состояния», что для нас особенно важно в свете исследования социальной политики: ведь «чрезвычайное положение» так или иначе подрывает и ограничивает предшествующие обязательства государства перед отдельными людьми или целыми категориями, причём обязательства как политические, так и юридические, как экономические, так и социальные: «Чрезвычайное положение является «точкой, в которой нарушается равновесие между публичным правом и политическим фактом», которая располагается - подобно гражданской войне, восстанию и сопротивлению - в «двойственной и неясной зоне, на пересечении юридического и политического»... Превращение временной и исключительной меры в управленческую технологию угрожает радикально преобразовать - и фактически уже ощутило преобразовало - структуру и смысл различных традиционных конституционных форм (Агамбен, 2011, с. 7-8). У такого феномена есть множественные следствия для социальной политики государства:

А) любой оказывается потенциально исключённым из социальной политики;

Б) любая социальная политика оказывается потенциально прекратимой в любой момент;

В) любой акт социальной защиты в любой момент может быть трансформирован в насильственную технологию господства;

Г) любое чисто административное действие по социальной защите или социальной заботе может быть преобразовано в политический акт или политический повод.

Статус «голої жизни», по Дж. Агамбену, который может быть присвоен любому, означает, что любой в любой момент может оказаться объектом воздействия чрезвычайного положения как особой управленческой технологии, ставящей любого человека «по ту сторону от права»: «Чрезвычайное положение - это не особого рода право (подобно праву военному); будучи временным упразднением самого юридического порядка, оно обозначает его предел, или понятие-границу... Теория крайней необходимости является здесь не чем иным, как теорией исключения (dispensation, благодаря которому единичный случай освобождается от обязанности соблюдать правила. Крайняя необходимость - это не источник закона, и она не приостанавливает его действие в собственном смысле этого слова; она ограничивается тем, что выводит единичный случай из зоны буквального применения нормы» (Агамбен, 2011, с. 13). Такая денормативизация насилия, порядка в широком смысле слова, изоляции, отсутствия заботы, исключения приводит к крайне опасным последствиям, которые могут коснуться любого члена общества: никто не знает, кто станет очередным таким человеком, превращённым в тело, которое можно изолировать от людей и от человеческой природы. «Сегодня мы можем наблюдать, как человеческая жизнь становится объектом беспрецедентного насилия, которое сделалось частью нашей повседневности, оставаясь при этом абсолютно профанным и тривиальным. В наше время за одни выходные на европейских автострадах гибнет больше людей, чем на поле боя, однако говорить в связи с этим о «сакральности дорожного ограждения» можно лишь в качестве риторического упражнения... Если главным действующим лицом нашего времени оказывается жизнь, не подлежащая жертвоприношению, которая в то же время оказывается не защищенной от смерти в невиданных прежде масштабах, то обнаженность жизни homo sacer приобретает для нас особенное значение. Священное образует некую подвижную и неустранимую зону внутри самой современной политики, которая постепенно смещается, захватывая все более обширные и плохо различимые области, смыкаясь в итоге с биологической жизнью граждан. Если сегодня уже больше не существует такой фигуры, которую мы могли бы однозначно определить как homo sacer, то, возможно, это происходит оттого, что все мы - потенциальные homines sacri» (Агамбен, 2011, с. 149). Социальная политика в отношении homo sacer вообще невозможна, более того, она превращается в объект политической борьбы, в объект символических, эмоциональных, дискурсивных, структурных атак со стороны разнообразных «активистов», «оппонентов», «оппозиции» и прочее.

Это, в свою очередь, заметно подтачивает сами основы социальной политики как пространства множества субъектов. Если верен концепт «согласия без согласия», который предлагает Н. Хомски (Хомски, 2006), то социальная политика сталкивается ещё и с такой угрозой, как потеря фидбэка, обратной системной связи. Напомним, что Н. Хомски, анализируя, как интересовало американского социолога Гиддингса принудительное наведение порядка на Филиппинах, стране, которую в то время освобождала армия США, одновременно освобождая и несколько сот тысяч душ от земных забот, чтобы «сбившиеся с пути праведного существа», оказывающие нам сопротивление, хотя бы «уважали наше оружие», показывает, что с целью объяснения этих процессов в пристойно цивилизованных тонах, Ф.Г. Гиддингс изобрел понятие «согласие без согласия» и сформулировал его следующим образом: «Если в последующие годы [завоеванный народ] поймет и признает, что оспариваемая им зависимость служила высшим интересам, то с основанием можно утверждать, что эта власть была навязана с согласия управляемых», подобно тому, как родитель запрещает ребенку бегать по оживленной улице (Хомски, 2006). Такая доктрина означает разрушение демократии как таковой, уничтожение системы свободного курсирования достоверной информации, на макроуровне – уничтожение шанса для широких масс людей на участие в решении, шанса на сознательную субъектность, в конечном итоге – отчуждение людей от социального, в частности и от социальной политики и социальной помощи. Повседневные субъекты оказываются в полной власти профессиональных производителей согласия, окончательно лишаясь какого-либо шанса на освобождение именно в силу собственной профанской уверенности в том, что уж он-то, обладатель диплома о высшем образовании и приличного социального статуса, во всём этом разбирается, и ему не нужно ничему учиться ни у Ноама Хомски, ни у Жана Бодрийера, ни у Джорджо Агамбена, ни у Пьера Бурдьё.

В глобальном мире подобный филистёрски уверенный мещанин, таким образом, неизбежно проиграет порядкам ненадёжности – не сразу, так впоследствии. И самое угрожающее для него – что в отличие от традиционных моделей модерна, филистёр не получает поддержки со стороны систем социальной помощи, социальной защиты и социальной политики. Более того, такая активность со стороны данных систем оказывается угрожающих для самих этих систем, что приводит к их чисто формальному функционированию (поскольку первой функцией любой системы является всё-таки успешное воспроизводство самой себя), к

становлению симулякральной, знаково-символической социальной защиты, которая всё более углубляется в дискурсах, «борьбе идентичностей», «противостояниях ценностей», «способствовании множественности», «борьбе за самовыражение» в ущерб реальным проблемам социальной защиты. Такое мимикрирование социальной политики (в том числе и государства) уводит её из экономической (в первую очередь) и политической (во вторую очередь; в данном случае речь идёт не столько об уходе, сколько о сужении, редукции) сфер в сторону дискурсивной, медийной, символической; из образа структурности и устойчивости – в образ констеллятивности, ситуативности, «вспышечности»; из системности – в спорадичность и реактивность; из надёжности, заранее заданности и предсказуемости – в моментальность, в продукт ежеминутно складывающегося баланса (социальных) сил и властей. Иначе говоря, в словосочетании «социальная политика» в такой ситуации акцент уходит с прилагательного на существительное, а словосочетания «социальная защита» и «социальная работа» вообще исчезают и ослабляются. Вирус дефицита надёжности в конечном итоге бьёт прежде всего по самим структурам надёжности общества, и лишь затем – по отдельным людям этого общества.

Литература:

1. Cortese A.J.P. *Walls and Bridges: Social Justice and Public Policy*. 1st ed. New York: State University of New York Press, 2004. 207 p.
2. Dutch King Willem-Alexander declares the end of the welfare state. *Independent*: веб-сайт. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/dutch-king-willem-alexander-declares-the-end-of-the-welfare-state-8822421.html> (дата звернення: 23.02.2020).
3. Ebbinghaus B., Manow Ph. *Comparing Welfare Capitalism: Social Policy and Political Economy in Europe, Japan and the USA*. 1 ed. London: Routledge, 2001. 346 p.
4. Facing poverty, academics turn to sex work and sleeping in cars (2017). *The Guardian*: веб-сайт. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/sep/28/adjunct-professors-homeless-sex-work-academia-poverty> (дата звернення: 23.02.2020).
5. Frolova V. M. Social standardization in the social policy as a kind of social technologies. *Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки*. 2013. Т. 18. № 2-2 (18). С. 322-329.
6. Hine D., Kassim H. *Beyond the Market: The EU and National Social Policy*. 1st ed. London: Routledge, 1998. 248 p.
7. Hirschland M. J. *Corporate Social Responsibility and the Shaping of Global Public Policy*. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 224 p.
8. Howard Ch. *The hidden welfare state: tax expenditures and social policy in the United States*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 266 p.
9. Morris K., Barnes M., Mason P. *Children, Families and Social Exclusion: New approaches to prevention*. Bristol: Policy Press, 2009. 168 p.
10. Romaniv I. F. Social development as a strategic vector of social policy in the crisis. *Молодий вчений*. 2015. № 4-2 (19). С. 38-41.
11. Rueda D. *Social Democracy Inside Out: Partisanship and Labor Market Policy in Advanced Industrialized Democracies*. Boston: Oxford University Press, 2008. 264 p.
12. Schram S. *After Welfare: The Culture of Postindustrial Social Policy*. New York: NYU Press, 2000. 245 p.
13. Shapiro I. *The Moral Foundations of Politics*. Boston: Yale University Press, 2003. 302 p.
14. Агамбен Дж. *Ното sacer. Чрезвычайное положение*. Москва : «Европа», 2011. 148 с.
15. Александрова О. А. Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десуверенизации. *Народонаселение*. 2015. № 4 (70). С. 17-32.
16. Бауман З. Индивидуализированное общество : монография. Москва : Логос, 2005. 390 с.
17. Бауман З. Актуальность Холокоста : монография. Москва : Европа, 2010. 316 с.
18. Бурдые П. Негарантированность повсюду. *RedFlora* : веб-сайт. URL: http://www.redflora.org/2013/07/blog-post_23.html (дата звернення: 23.02.2020).
19. Социальное неравенство и социально-экономическая политика государства : монография / Вахитова Т.М. и др. Казань, 2018. 120 с.

20. Евтушенко Н. Н., Виноградная В. М., Малышко В. В. Social protection of the population of Ukraine in the context of social policy and integration processes. *Экономический вестник. Сборник научных трудов ученых и аспирантов*. 2018. № 39. С. 87-93.

21. Кляйн Н. No Logo. Люди против брендов. *Bauman Debating Society* : веб-сайт. URL: https://baumands.files.wordpress.com/2011/02/28_no_logo.pdf. (дата звернення: 23.02.2020).

22. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Москва : Гос.изд.полит.лит., 1952. 794 с.

23. Рансьер Ж. Олигархи «продают» чувство опасности. Страхи нового десятилетия. *Русский журнал* : веб-сайт. URL: <http://www.russ.ru/pole/Oligarhi-prodayut-chuvstvo-opasnosti> (дата звернення: 23.02.2020).

24. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. Москва : Мысль, 2003. 304 с

25. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Москва : Эксмо, 2015. 508 с.

26. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

27. Фируза Н. А. Социальная политика государства и социальные требования в информационном обществе. *Инновационные подходы в современной науке : 2019 год*. Сборник статей по материалам XL Международной научно-практической конференции. Москва : Интернаука, 2019. С. 59-63.

28. Фуко М. Безопасность, население, территория : монография. Санкт-Петербург : Наука, 2011. 544 с.

29. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. Москва : Поколение, 2007. 288 с.

30. Холоденко Ю. А. Социальные трансформации и социальная политика государства в условиях глобализации. *Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы: 2018 год* : X Юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения. Сборник материалов Международной научной конференции. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2018. С. 127-130.

31. Хомски Н. Согласие без согласия. *Гуманитарный портал*: веб-сайт. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/489>. (дата звернення: 23.02.2020).

References:

1. Agamben G. (2011) *Homo sacer. Chrezvychnoye polozhenye* [Homo sacer. The state of emergency]. Moscow: Europe [in Russian].

2. Aleksandrova O. A. (2015) *Sotsyalnaia polytyka v usloviakh sotsyalno-ekonomicheskoi y udeinoi desuverenyzatsyy* [Social policy in conditions of social, economic and ideological desuverenization]. *Narodonaselenye* [Population]. № 4 (70). Pp. 17-32 [in Russian].

3. Bauman Z. (2005) *Individualizirovannoye obshchestvo* [The individualized society]. Moscow: Logos [in Russian].

4. Bauman Z. (2010) *Aktualnost Kholokosta* [Modernity and the Holocaust]. Moscow: Europe [in Russian].

5. Bourdieu P. (2013) *Negarantynovannost povsiudu* [Unwarrantness is everywhere]. *RedFlora* : [online]. Available at: http://www.redflora.org/2013/07/blog-post_23.html (Accessed: 23.02.2020) [in Russian].

6. Chomsky N. (2006) *Soglasie bez soglasiya* [Consent without consent]. *Gumanitarnyi portal*: [online]. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/489> (Accessed: 23.02.2020) [in Russian].

7. Cortese A.J.P. (2004) *Walls and Bridges: Social Justice and Public Policy*. 1st ed. New York: State University of New York Press [in English].

8. Dutch King Willem-Alexander declares the end of the welfare state. *Independent*: [online]. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/dutch-king-willem-alexander-declares-the-end-of-the-welfare-state-8822421.html> (Accessed: 23.02.2020) [in English].

9. Ebbinghaus B., Manow Ph. (2001) *Comparing Welfare Capitalism: Social Policy and Political Economy in Europe, Japan and the USA*. 1 ed. London: Routledge [in English].

10. Evtushenko N. N., Vynogradnaya V. M., Malysheko V. V. (2018) Social protection of the population of Ukraine in the context of social policy and integration processes. *Ekonomicheskii vestnik. Sbornik nauchnykh trudov uchenykh i aspirantov* [Economic herald. Collection of scientific papers of scientists and PhD students]. № 39. Pp. 87-93 [in English].

11. Facing poverty, academics turn to sex work and sleeping in cars (2017). *The Guardian* : [online]. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/sep/28/adjunct-professors-homeless-sex-work-academia-poverty> (Accessed: 23.02.2020) [in English].

12. Firuza N. A. (2019) *Sotsialnaya politika gosudarstva i sotsialnye trebovaniya v informatsionnom obshchestve* [The state social policy and social demands in information society]. *Innovatsionnye podkhody v sovremennoy nauke. Sbornik statey po materialam XL Mezhdunarodnoy nauchno-praktycheskoy konferentsii* [The innovative approaches in the modern science. The collection of papers of XL International scientific and practical conference]. Moscow: Internauka. S. 59-63 [in Russian].

13. Frolova V. M. (2013) Social standardization in the social policy as a kind of social technologies. *Visnyk Odeskoho natsionalnoho universytetu. Sotsiologhiia i politychni nauky* [Odessa University herald. Social and political sciences]. Ch. 18. № 2-2 (18). Pp. 322-329 [in English].

14. Fuko M. (2011) *Bezopasnost, naselenye, terrytoryia* [Security, population, territory]. Sankt-Peterburgh: Nauka [in Russian].

15. Harvey D. (2007) *Kratkaia istoriya neoliberalizma. Aktualnoe prochtenye*. [The short story of neoliberalism]. Moscow: Pokolenie [in Russian].

16. Hine D., Kassim H. (1998) *Beyond the Market: The EU and National Social Policy*. 1st ed. London: Routledge [in English].

17. Hirschland M. J. (2006) *Corporate Social Responsibility and the Shaping of Global Public Policy*. New York: Palgrave Macmillan [in English].

18. Howard Ch. (1997) *The hidden welfare state: tax expenditures and social policy in the United States*. Princeton: Princeton University Press [in English].

19. Kholodenko Yu.A. (2018) *Sotsialnye transformatsii i sotsialnaya politika gosudarstva v usloviyakh globalizatsii* [The social transformations and the social policy of the state in global conditions]. *Chetvertaya promyshlennaya revoliutsiya: realii i sovremennye vyzovy: X Yubileynye Sankt-Peterburhskie sotsiologicheskie chteniya* [The fourth industrial revolution: realities and modern challenges]. Sankt-Peterburh: SPbHU, s. 127-130 [in Russian].

20. Klein N. (2011) *No Logo. Liudy protyv brendov* [No Logo. Brands, globalization and resistance]. Bauman Debating Society : [online]. Available at: https://baumands.files.wordpress.com/2011/02/28_no_logo.pdf (Accessed: 23.02.2020) [in English].

21. Marks K. (1952) *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. Critique of political economy]. Tom pervyi. Moscow: Hos.yzd.polyt.lyt. [in Russian].

22. Morris K., Barnes M., Mason P. (2009) *Children, Families and Social Exclusion: New approaches to prevention*. Bristol: Policy Press [in English].

23. Ranciere J (2011). *Olyharkhy «prodaiut» chuvstvo opasnosti. Strakhy novoho desiatyetyia* [The oligarchs sell the sense of danger]. *Russkyi zhurnal* : [online]. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Oligarhi-prodayut-chuvstvo-opasnosti> (Accessed: 23.02.2020) [in Russian].

24. Romaniv I. F. (2015) *Social development as a strategic vector of social policy in the crisis. Molodyi vchenyi* [Young Scientist]. № 4-2 (19). Pp. 38-41 [in English].

25. Rueda D. (2008) *Social Democracy Inside Out: Partisanship and Labor Market Policy in Advanced Industrialized Democracies*. Boston: Oxford University Press [in English].

26. Schram S. (2000) *After Welfare: The Culture of Postindustrial Social Policy*. New York: NYU Press [in English].

27. Shapiro I. (2003) *The Moral Foundations of Politics*. Boston: Yale University Press [in English].

28. Stiglitz J. (2003) *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsiyi* [Globalization and its discontents]. Moskva: Mysl [in Russian].

29. Stiglitz J. (2015) *Tsena neravenstva* [The price of inequality]. Moskva: Эksmo [in Russian].

30. Standing G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass* [Precariat. The new dangerous class]. Moscow: Ad Marginem Press [in Russian].

31. Vakhitova T.M. y dr. (red.) (2018) *Sotsyalnoe neravenstvo i sotsialno-ekonomicheskaya politika gosudarstva* [Social inequalities and social-economic policy of state]. Kazan, 2018 [in Russian].